

Уголки губ Тан Мо изогнулись в коварной улыбке. Он подумал, что сегодня Чэнь Аню нужно преподать урок.

Чэнь Ань уже собирался выругаться, но, увидев, кто ему ответил, проглотил слова и холодно произнёс:

— Господин Цинжун, выбирай выражения. Вы так подорвёшь репутацию мисс Тан.

Сяо Хао усмехнулся:

— А господин Тан вас чем-то обидел? Почему вы набросились на него при встрече?

Рядом заговорил другой молодой господин в белом, с лицом, словно из нефрита. Его голос был мягким:

— Сегодня мы прибыли в поместье Тан лишь на праздник в честь дня рождения госпожи Тан. Давайте жить в мире и согласии.

— Слова молодого господина Цинжун совершенно верны.

— Именно, не стоит портить нам праздник.

Все молодые господа стали выражать согласие, словно они готовы были подчиняться каждому его слову.

Тан Мо оглядел присутствующих и заметил, что этот молодой человек обладал выдающейся аурой. Заметив его взгляд, тот лишь вежливо кивнул.

Чэнь Ань всё ещё был недоволен. Мрачный взгляд устремился на Тан Мо:

— Сегодня ветер довольно сильный. Может быть, господин Тан сочинит стих о ветре?

Тан Мо было забавно. Видимо, его не собирались отпускать.

Если так, то пусть не обижаются.

— Если я сочиню стих лучше твоего, то ты публично назовёшь меня... дедушкой. Как насчёт этого?

Эти слова ошеломили всех. Они смотрели на Тан Мо с недоверием, не ожидая, что он может быть таким... дерзким.

Лицо Чэнь Аня изменилось. Он указал на него:

— Назову так назову. Ты сначала сочини.

Тан Мо, конечно, не умел сочинять стихи, но «Триста стихов эпохи Тан» он знал наизусть.

Он вспомнил один очень простой стих и решил использовать его.

Чэнь Ань был уверен, что Тан Мо не сможет, и пренебрежительно сказал:

— Лишь бы ты смог сочинить, а я смогу превзойти тебя.

Молодой господин Цинжун поставил чашку чая:

— Господин Чэнь, я думаю, господин Тан может победить вас.

Это было его чутьё. С того момента, как Тан Мо вошёл, он был спокоен и уверен в себе. Такого человека нельзя недооценивать.

Чэнь Ань обладал небольшим талантом, но из-за презрения к Тан Мо был слишком горяч.

Чэнь Ань пренебрежительно ответил:

— Не волнуйтесь. Если он победит, я назову его дедушкой. А если я победил, он назовёт меня дедушкой. Ну как?

— Без проблем.

Тан Мо отряхнул рукава и под взглядами всех начал:

*

Срывает листья осенью,

Распускает цветы весной.

Пересекает реку, поднимая волны,

Наклоняет бамбук в горах.

*

Это был стих «Ветер», написанный поэтом Ли Цяо эпохи Тан. Тан Мо сразу полюбил его, как только прочёл.

Молодой господин Цинжун был удивлён. Стих казался простым, но он идеально передавал нежность и свирепость ветра.

Тан Цзиньань был потрясён. Он не ожидал, что Тан Мо сможет сочинить такой хороший стих. Как это возможно?

Он с детства только гонял кошек и собак, едва умел читать. Как он мог сочинить такой стих?

— Отличный стих!

— Господин Тан действительно обладает выдающимся талантом.

— Этого стиха достаточно, чтобы нам всем стыдно стало.

Все, наконец, осознали, что произошло, и аплодисменты прокатились волной. Взгляды на Тан Мо мгновенно изменились.

Молодой господин Цинжун аплодировал и громко сказал:

— Стих господина Тана кажется простым, но он мастерски передает живые мгновения ветра. Это действительно впечатляет.

— Вы льстите!

Тан Мо спокойно принял все похвалы, ведь он знал, что стих был заимствован.

Аплодисменты привлекли внимание женщин на другой стороне. Узнав, в чём дело, они сразу же изменили своё мнение о Тан Мо и начали осуждать госпожу Ван.

Неудивительно, что она так плохо отзывалась о пасынке. Оказалось, он действительно обладает талантом. Госпожа Ван, должно быть, боялась, что он затмит её сына, поэтому так поступала.

Госпожа Ван, чувствуя на себе странные взгляды, едва сдерживала улыбку. Руки в рукавах сжались в кулаки. Она ненавидела Тан Мо и хотела оторвать ему голову.

Этот ублюдок, которого она растила, едва умел читать. Как он мог сочинить стих? Это всего лишь несколько дней, как он стал приближённым Его Величества, и уже может представить такое произведение. Наверняка это был стих Его Величества, который он присвоил.

Как бы то ни было, Тан Мо привлёк внимание всех, и это било её по лицу.

Она повернулась к своей служанке и тихо сказала:

— Сделай это незаметно. Никто не должен узнать.

Служанка была её доверенным лицом и помогла избавиться от многих людей. Она кивнула и ответила так тихо, что только они двое могли слышать:

— Не волнуйтесь, госпожа. Я знаю, что делать.

Пока все были увлечены поэтическим состязанием, служанка незаметно ушла.

На пиру все смотрели на Чэнь Аня, ожидая, что он сочинит стих лучше, чем Тан Мо.

Чэнь Ань сидел как на иголках, чувствуя крайнюю неловкость. У него был небольшой талант, но стих Тан Мо был настоящим шедевром. Он не мог придумать ничего лучше.

Сяо Хао, смеясь, поднял чашу и громко сказал:

— Чэнь Ань, если ты не сочинишь, то придётся назвать господина Тана дедушкой.

Услышав это, все засмеялись, и взгляды, полные ожидания шоу, устремились на Чэнь Аня, что заставило его нервничать ещё больше.

Чэнь Ань стиснул зубы:

— Не торопите меня. Мне нужно подумать.

Тан Цзиньянь вмешался:

— Брат Чэнь, не торопись. Мой старший брат человек великодушный. Даже если ты проиграешь, он не станет тебя упрекать.

Затем он повернулся к Тан Мо и мягко улыбнулся:

— Брат, давай оставим это. Прости и забудь.

— Не торопитесь, я обязательно придумаю что-то лучше.

Чэнь Ань был полон негодования, вспоминая обиженное лицо Тан Юйтянь.

Сяо Хао фыркнул:

— Если у тебя нет таланта, просто признай это. Нет ничего постыдного в том, чтобы проиграть. Это всего лишь слово «дедушка». Если бы я проиграл, я бы с лёгкостью произнёс его, чтобы показать свою прямоту.

Его слова словно ударили Чэнь Аня по лицу, заставив его почувствовать себя ещё более униженным.

Молодой господин Цинжун поднял чашу и посмотрел на Тан Мо:

— Господин Тан, давайте оставим это. Мы все здесь собрались, чтобы познакомиться. Не стоит портить отношения.

Тан Мо кивнул и бросил вопрос Чэнь Аню:

— Господин Чэнь, если бы я проиграл, ты бы оставил это?

Чэнь Ань не ожидал, что он повернёт вопрос к нему, переложив сложность на него.

Все уже знали ответ, учитывая высокомерный характер Чэнь Аня. Он, скорее всего, стал бы унижать Тан Мо, чтобы показать свой талант.

Чэнь Ань покраснел от злости и, наконец, холодно произнёс:

— Дедушка.

— Эй.

Тан Мо поднял чашу и с готовностью ответил.

Молодой господин Цинжун поспешил сказать:

— Все это шутка. Давайте оставим это. После того как мы выйдем отсюда, не стоит больше смеяться над господином Чэнем, чтобы не потерять благородства.

— Конечно.

— Это всего лишь шутка, кто будет принимать всерьёз?

— Именно так. Я однажды проиграл и назвал кого-то прадедом.

Слова молодого господина Цинжун разрядили обстановку, и все начали делиться своими неудачами, что позволило Чэнь Аню постепенно успокоиться.

Тан Цзиньань, видя, что возможность унижить Тан Мо упущена, был недоволен, ведь ему было всего четырнадцать-пятнадцать лет.

В этот момент служанка вошла в беседку и подошла к Тан Мо, поклонившись:

— Старший господин, господин говорит, что вы вернулись в спешке и ещё не воздали должное

госпоже. Он просит вас зажечь благовония для госпожи, ведь прошло немало времени с вашего последнего визита.

— Я понял.

Тан Мо вспомнил о древнем обычае. Вернувшись из дворца, он должен был воздать должное матери этого тела, то есть первой жене Тан Чана. Он чуть не забыл об этом.

Тан Цзиньань мягко улыбнулся:

— Брат, поспеши воздать должное матери. Мама вчера сказала, что ты вернёшься сегодня.

Тан Мо кивнул, встал и поклонился всем:

— Господа, извините.

Он больше ничего не сказал, повернулся и вышел из беседки, слыша, как все господа восхищаются его стихом. Ему чуть не хотелось рассмеяться.

Тан Цзиньань посмотрел на госпожу Ван напротив. Она тоже посмотрела на него, и их взгляды встретились. Увидев её улыбку и кивок, он успокоился.

Родовой храм семьи Тан находился в уединённом дворе задней части поместья. Он был безупречно чист, и специальные слуги следили за благовониями, зажигая их в нужное время.

В ярко освещённом храме он увидел табличку с именем своей матери, госпожи Чжоу. Взяв благовония, он зажёл их, опустился на колени и закрыл глаза.

«Госпожа Чжоу, ты, должно быть, уже видела своего сына, Тан Мо. Не волнуйся, раз я занял его тело, я отомщу за вас, чтобы отблагодарить за этот дар. Пусть вы оба переродитесь в хорошей семье, чтобы больше не страдать, как в этой жизни, и обрести счастье».

Он трижды поклонился, вставил благовония в курильницу и снова поклонился трижды.

<http://bllate.org/book/16556/1510344>